

“Дело” Бродского на Старой площади

И. БРОДСКИЙ. “Их было пятеро” — это гениально. Вот оттуда все и пошло, между прочим. Там была главная сцена в этом фильме... Это такие какие-то французы, которые участвовали в войне, в Сопротивлении, и так далее, и так далее. Они через некоторое время после войны встречаются, в шесть часов после — в кабаре, которым один из них, из этих пятерых, заведует. То есть первый — вполне преуспевающий владелец кабаре, другой — аристократ, третий — я уже не помню что, четвертый — жулик, а пятый — маленький такой лейтенантик, который потом уехал воевать в Алжир. И вот все это происходит в кабаре у их друга, и маленький лейтенантик — это то,

“ДЕЛО” БРОДСКОГО НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

что в некотором роде предопределило мое поведение на этом свете, — он вылезает, уже немножечко подпив, на эстраду и принимается читать стихи — Валери, если я не ошибаюсь. Ему начинают орать, сгонять, возникает драка. А он читает совершенно таким нейтральным голосом замечательные стихи. И вот это отношение, когда ты читаешь стихи, а в зале происходит уже полная ночь из-за того, что ты это делаешь, — вот это, по-моему, самая интересная тема.

(первая запись на съемках)

Как это вообще могло случиться? Как вышло, что в ноябре 93-го мы провели в Венеции съемочную неделю с ним и потом вместе с Лешей Шишовым сделали “Прогулки с Бродским”? Думаю, он этого захотел. Захотел фильм о себе — для России, куда не собирался возвращаться, для своих русских читателей. А мы просто стали проводниками.

Все началось с полосы в “Литературной газете” от 5 мая 1993 года “Дело” Бродского на Старой площади”. Вот она у меня в руках, эта пожелтевшая от времени полоса.

Тогда открывались разные засекреченные документы из архивов, в том числе из архива ЦК.

Его даже переименовали в ЦХСД — Центр хранения современной документации. Позвонил оттуда знакомый: “Чего хочешь посмотреть?” Я сказала: “Что-нибудь по Бродскому, если есть”. Все-таки не все выводилось на уровень ЦК. Бродского выводили.

Собственно его “дела” как такового там не было — но два витка, два круга “высочайшего внимания” к тому, кто “выдавал себя за поэта-переводчика”. Один, 1964–1965 годов, был связан с тем, что “осуждение Бродского вызвало различные кривотолки в среде творческой интеллигенции” дома и за железным занавесом.

И второй — 1987 года. Удивительная переписка партийных руководителей по поводу вручения ему Нобелевской премии. Они тогда не знали, что с ним делать, — с одной стороны, в стране полным ходом шла перестройка, с другой — они по инерции всерьез обсуждали, давать ли информацию о вручении Бродскому Нобелевской премии в советской печати, и если давать, то на сколько строк.

Документов по “ленинградскому делу” было всего два, но они многое говорили о времени и о судьбе. И о людях, фамилии которых были выделены в них заглавными буквами.

“ДЕЛО” БРОДСКОГО НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

ЦК КПСС

Секретно

20 мая 1964 года.

... Члены Союза писателей Л. ЧУКОВСКАЯ, Р. ОРЛОВА, Л. КОПЕЛЕВ оценивают процесс над БРОДСКИМ как “рецидив печально известных методов произвола”...

Поэт Е. ЕВТУШЕНКО, прочитав материалы ВИГДОРОВОЙ, заявил, что процесс над БРОДСКИМ пахнет фашизмом, нарушается законность.

С. МАРШАК, К. ЧУКОВСКИЙ и Д. ШОСТАКОВИЧ принимали меры к защите БРОДСКОГО, к которому, по их мнению, суд отнесся несправедливо...

Следует отметить, что наиболее активно муссируются слухи вокруг дела БРОДСКОГО в кругах творческих интеллигентов еврейской национальности.

Вследствие достаточно широкого распространения материалов ВИГДОРОВОЙ, они стали достоянием зарубежной прессы...

Комитет Госбезопасности принимает меры по розыску лиц, способствовавших передаче тенденциозной информации по делу Бродского за границу.

Председатель Комитета госбезопасности

В. Семичастный

В деревне Норенской ссыльный Бродский пас телят (плохо, по всем отзывам: “и телята за версту чувствуют интеллигентного человека”) и писал свои лучшие стихи. В Москве по указанию Отдела культуры ЦК, скрепленному визами Андропова, Демичева, Ильичева, Подгорного, Козлова (почти всё Политбюро), Союзы писателей СССР и РСФСР вместе со своим московским отделением обсуждали “вопрос о нездоровых явлениях и фактах антипатриотического поведения отдельных литераторов”, посмевавшихся встать на его защиту.

Затем бумага Семичастного была сдана “в архив”.

В архиве ЦК навечно сохранилось и личное письмо Сартра Микояну — благодаря тому, что поэт и секретарь Союза писателей Алексей Сурков, получивший это письмо от Сартра для передачи адресату, направил его копию “секретарю ЦК КПСС тов. Демичеву П. Н.”.

17 августа 1965 года, Жан-Поль Сартр,
222, бульвар Распай, Париж

Господин Президент,

Я беру на себя смелость обратиться к Вам с этим письмом лишь потому, что являюсь другом Вашей великой страны. Я часто бываю в Вашей